

Родигина Наталия, Сабурова Татьяна

Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв. А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича

Memory, Time, and Space in the Memoirs by the Russian Journalists Alexander Amfiteatrov and Vlas Doroshevich.

This article explores the representations of time and space in the autobiographical prose and memoirs by Alexander Amfiteatrov (1862-1938) and Vlas Doroshevich (1865-1922), famous journalists of early twentieth century Russia, members of the intelligentsia and of the generation of the 1880s. The collective memory and individual memory closely intertwined in their memoirs, reflecting the process of the professional and social self-identification of the Russian intelligentsia. We examine the 'world of journalism' and the representations of Moscow and Russia in the memoirs of Alexander Amfiteatrov and Vlas Doroshevich, considering their works as a component of the commemoration practice and political culture of the Russian society.

«Поле журналистики» в России рубежа XIX–XX вв. и журналисты как социoproфессиональная группа

История журналистики в большинстве исследований понимается главным образом как история периодических изданий, а не история журналистов, создавших эти издания. До настоящего времени отсутствуют специальные работы, посвященные как количественным параметрам профессионального сообщества журналистов (численности, составу, образовательному уровню), так и “журнальному быту”, формам коммуникации между его представителями,

их картине мира, системе ценностных ориентиров. Имея в виду данное обстоятельство, остановимся на некоторых характеристиках интересующей нас социoproфессиональной группы, представители которой являлись акторами поля журналистики.

Вслед за П. Бурдьё, под полем журналистики мы понимаем “место, действующее согласно специфической, чисто культурной, логике, которая навязывает себя журналистам через механизмы взаимного давления и контроля, оказываемого ими друг на друга, и соблюдение которой (нередко принимающее деонтологический характер) лежит в основе

профессиональной чести и репутации” (Бурдые 2002: 95). Поле журналистики формируется в России XIX столетия под влиянием процесса модернизации, который выражался в росте городского населения; увеличении количества грамотных; усилении потребности в оперативной информации; заимствование дворянских, в значительной степени европеизированных, поведенческих образцов представителями других сословий; расширении круга интеллектуалов за счет разночинцев; стремлении населения к участию в политической жизни страны и др. Количественный рост и дифференциация читательской аудитории, связанный с приобщением к чтению новых социальных слоев, повлекли за собой быстрый рост числа периодических изданий и увеличили спрос на журналистские кадры. Как показано А.И. Рейтблатом, с конца 1850-х – начала 1860-х гг. интенсивно идет профессионализация литературы. Если в 1830 г. литературой зарабатывало себе на жизнь 5,1% авторов, в 1855 г. – 8,9%, то в 1880 г. – 32,9%. При этом необходимо иметь в виду, что непрофессиональные авторы, как правило, редко выступали в печати, а профессионалы являлись штатными со-

трудниками редакций, либо тесно сотрудничали с ними и в общем объеме публикаций их работы составляли большинство (Рейтблат 2009: 254-255). К 1914 г. доля литераторов, живших на литературные доходы, равнялась 150 чел., что составило 43,2% от общего числа авторов (Рейтблат 2009: 269). Расширение круга профессиональных литераторов шло главным образом за счет журналистов, живших на литературные доходы, тесно связанных с редакцией того или иного периодического издания, работавших чаще всего в таких жанрах как очерк, статья, рецензия, компиляция (Рейтблат 2009: 256).

Наглядно демонстрируют потребность в журналистах сведения о численности периодических изданий в интересующий нас период. По данным С.Я. Махониной, если рубеж XVIII–XIX вв. пережили только две газеты, то к 1891 г. издавалось 70 ежедневных и 226 не ежедневных газет. К 1912 г. ежедневных стало 417, из них 10 выходили два раза в день (Махонина 2008: 8).

В 1880 г. в сословном составе русских литераторов преобладали дворяне, однако к 1914 г. их доля снизилась до 41,1%, зато выросло количество разночинцев – выходцев из крестья-

ян, мещан, купцов, священников, семей мелких чиновников (Рейтблат 2009: 269). Можно предположить, что большинство представителей социо-профессиональной группы журналистов были выходцами из сословия разночинцев. Насколько нам известно, на сегодняшний день отсутствуют специальные исследования об образовательном уровне русских журналистов рубежа XIX–XX вв. Известно, что к началу XX в. относятся первые попытки создания образовательных учреждений для подготовки журналистов, а до тех пор штаты редакций периодических изданий формировались из случайных людей. Часто их образовательный уровень был весьма невысоким. Например, самоучки и лица с начальным образованием к 1914 г. составляли 7,1% от общего числа литераторов.

На рубеже XIX–XX вв. усиливается профессиональная специализация и имущественная дифференциация журналистов. Появляются профессиональные фельетонисты, криминальные репортеры, ведущие “внутренних” и “иностраных” обзоров и др. Растет разница в доходах между столичными и провинциальными журналистами, высокооплачиваемыми сотрудни-

ками популярных многотиражных изданий и “журналистским пролетариатом”. К примеру, в 1907 г. годовой заработок В.М. Дорошевича, А.В. Амфитеатрова, Л.А. Тихомирова, М.О. Меньшикова составлял 12 тыс. рублей. Между тем, в провинциальных газетах сотрудники получали 2 копейки за строку, в немногих богатых 3–5 копеек (Рейтблат 2009: 272).

О процессе формирования поля журналистики и социо-профессионального сообщества журналистов свидетельствует рост профессионального самосознания журналистов. Примечательны в этом смысле первые строки мемуаров известного литературного критика и публициста П.П. Перцова: “Я родился литературно 10 апреля 1890 г. – на двадцать втором году от рождения физического. Как, почему люди ‘вдруг’ начинают писать... Я не знаю, как это бывает у других. У меня же ‘это’ началось просто: помню, ходил по комнате и без всякого ‘заранее обдуманного намерения’сел за письменный стол и написал две корреспонденции на местные темы (дело было в Казани). Послал в петербургские газеты ... Обе статьи были напечатаны. Так и ‘пошло’” (Перцов 2002: 37).

До настоящего времени не раскрыта роль журналистов

интересующей нас эпохи как агентов коллективной памяти, порождающих представления об истории формирования своей социальной группы, предлагающих в своих воспоминаниях набор мнемонических сигнификаторов, позволяющих читателям сформировать собственные образы и оценки прошлого русской журналистики. Можно согласиться с мнением Орена Майерса о том, что, несмотря на большое количество исследований, посвященных коллективной памяти (collective memory), достаточно мало внимания уделяется изучению деятельности журналистов как нарраторов, формирующих и память общественности, и память своего профессионального сообщества. В большинстве исследований коллективные воспоминания (collective recollections) практически не считают журналистику и журналистов основным предметом изучения. Более того, современная литература по данной тематике в основном рассматривает структуру журналистской памяти как дериват, который освещает основные события, произошедшие какое-то время назад (Meyers 2007: 719–738).

Мемуары русских журналистов рубежа XIX–XX вв. как предмет исследований.

Насколько нам известно, до настоящего времени отсутствуют специальные исследования, посвященные специфике эго-текстов журналистов последних десятилетий Российской империи. Исключения составляют отдельные публикации, посвященные источниковедческому ресурсу конкретных мемуарных произведений (Букчин 2010; Михеев 2004; Рейтблат 2004 и др.).

Однако в отечественном литературоведении сложилась традиция изучения мемуаров писателей как особого жанра повествовательной прозы (Шайтанов 1981; Колядич 1993; Колядич 1998; Николина 2002 и др.). На наш взгляд, отдельные выводы и наблюдения, сделанные литературоведами о жанровой специфике литературных мемуаров, могут быть экстраполированы на мемуары журналистов. По мнению Т.М. Колядич, жанру литературных мемуаров присущи следующие признаки: создание авторской модели мира, создание авторской модели мира, предполагающей создание особой системы координат, где в центре нахо-

дится жизнеописание писателя; психологически объективное раскрытие индивидуальности в субъективно воспринятых событиях, ассоциативно-хронологический принцип организации повествования (Колядич 1998).

Представляется продуктивной точка зрения Т.Г. Симоновой о том, что творческое отношение литератора к факту предопределяет пристальное внимание к сюжетной организации материала, что сближает мемуары с такими жанрами художественной прозы, как роман, повесть, рассказ. Отличительной чертой литературной мемуаристики является сложность ее текстового состава, включающего авторское повествование, описания, рассуждения, беллетризованные фрагменты, интертекст. Мы согласны с наблюдением Симоновой о том, что жанр литературных мемуаров интересующей нас эпохи сохранил доминантные черты, свойственные мемуаристике в целом: документальность, мемориальность, ретроспективность, автобиографичность. Однако необходимость художественных задач привела к типизации и эстетическому осмыслению писателем исходного документального ма-

териала (Симонова 2002: 30-34).

Название нашей статьи указывает на то, что основным объектом внимания являются воспоминания литераторов А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича, которые мы рассматриваем как одну из разновидностей автобиографических текстов. В отечественном литературоведении и историографии проблема разграничения мемуаров и автобиографий давно является предметом научной полемики. Нам близка позиция Л.Я. Гинзбург, Г.Г. Елизаветиной, И.О. Шайтанова, Л.Я. Гаранина, признающих генетическую близость между названными повествовательными формами, "прорастание" их друг в друга, констатирующих "размытость" жанровых границ мемуарной прозы, синкретичность ее структуры (Гинзбург 1977; Елизаветина 1982; Шайтанов 1981; Гаранин 1986). Так, Елизаветина пишет по этому поводу: "...дать сколько-нибудь исчерпывающую характеристику одному из жанров мемуарно-биографической литературы необыкновенно сложно. Лишь одно качество совершенно необходимо для того, чтобы отнести произведение к мемуаристике: его создатель должен рассказать о себе, о

том, что он сам видел и пережил” (Елизаветина 1982: 237). С нашей точки зрения, мемуары, избранные нами для анализа и представленные главным образом мемуарными очерками и литературными портретами, носят ярко выраженный автобиографический характер. В связи с этим для нас является второстепенным вопрос, так волновавший Л.Я. Гинзбург, вопрос о том, как соотносятся в автобиографическом тексте документализм и художественный вымысел. Для нас важнее понять, как именно, говоря словами М.М. Бахтина, “автор объективировал себя и свою жизнь художественно” (Бахтин 2000: 171). В мемуарных очерках о своей жизни, Москве и москвичах, о “газетном быте” проявлена установка на “подлинность”, отмеченная Ф. Леженом как один из основных признаков автобиографического письма (Лежен 2000) и на повествование от первого лица, которые определяют и повествовательную интонацию, форму изложения в виде непосредственного рассказа. Под образом ‘я’ в структуре повествования обнаруживаются непосредственно автор-повествователь и объективированный герой-рассказчик автобиографического произведения. По

нашему мнению, мемуарным текстам Амфитеатрова и Дорошевича присущи все признаки автобиографического письма, суммированные С.В. Волошиной по работам современных российских исследователей автобиографических текстов: 1) ретроспективность повествования; 2) стремление к хронологически последовательному изложению событий; 3) тождество автора, повествователя и героя; 4) память как важнейшая категория автобиографического повествования; 5) соотношение прошлого и настоящего; 6) особая пространственная и временная организация; 7) план зрелого повествователя в настоящем и план его ‘Я’ в прошлом; 8) ярко выраженное личностное начало; 9) соотношение объективного и субъективного начал (Волошина 2008: 12).

Мир русской журналистики как тема воспоминаний А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича

Итак, в центре нашего внимания – мемуарная проза двух известных русских журналистов – А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича, представителей одного поколения “восьмидесятников”, пере-

живших яркие исторические события начала XX в. Биографии Амфитеатрова и Дорошевича имеют много общего: учеба в московской гимназии, сотрудничество в «Будильнике», издание газеты «Россия» и пр. Не случайно А.В. Амфитеатров писал: «Мы с Дорошевичем были так тесно близки, что мне трудно писать о нем одном иначе, как анекдотически: иначе пойдет автобиография» (Амфитеатров 2004: 338). Амфитеатрова и Дорошевича объединяла не только литературно-издательская деятельность, сотрудничество в провинциальной и столичной прессе, но и тесная дружба, общие интересы на протяжении многих лет.

Воспоминания Амфитеатрова и Дорошевича раскрывают самые разные стороны жизни российского общества, исторической эпохи рубежа XIX–XX вв., соединяя автобиографическую индивидуальную память и память коллективную, историческую. Мы опираемся при этом на теоретические положения *memory studies*, и, в том числе, идею М. Хальбвакса, что «эти две памяти часто проникают друг в друга; в частности, индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то

или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в нее, на короткое время слиться с ней. [...] Коллективная память же оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними» (Хальбвакс 2005).

Наша задача – выявить особенности восприятия и репрезентации времени и пространства, их локализацию в авто/биографической прозе профессиональных журналистов, а также раскрыть взаимодействие индивидуальной и коллективной памяти, воспоминания и забывания.

Мы обратились к опубликованным мемуарам А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича, вышедшим в московском издательстве «Новое литературное обозрение» соответственно в 2004 и 2008 годах. Исходя из того, что А.И. Рейтблатом и С.В. Букчиным были подготовлены подробные вступительные статьи к мемуарным текстам ‘героев’ нашей статьи, мы не будем останавливаться на истории создания и специфике анализируемых воспоминаний. Мы согласны с названными исследователями в том, что мемуары Амфитеатрова и Дорошевича – являются ценным источником изучения картины мира, системы цен-

ностных ориентаций, социокультурной идентификации не только литераторов, журналистов, но и всей русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. С одной стороны, они продолжают традиции интеллигентского автобиографического дискурса нового времени, с другой же, позволяют выявить особенности выделения социoproфессиональной группы журналистов из группы литераторов, отражение формирующейся профессиональной идентичности в автобиографических текстах.

Воспоминания Амфитеатрова автобиографического характера были подготовлены для издания, но сохранился только план книги и отдельные части, рукопись в окончательном варианте до сих пор не найдена, хотя многочисленные фрагменты этих воспоминаний мы можем найти в отдельных публикациях разных лет (*Недавние люди, Заметки сердца, В моих скитаниях, Современники, Разговоры по душе*), а также они частично нашли отражение и в романе-хронике Амфитеатрова *Концы и начала (Восьмидесятники, Девятидесятники, Закат старого века, Дрогнувшая ночь)*. В то же время Амфитеатров использовал фрагменты романа для иллюстрации от-

дельных сюжетов своих воспоминаний.

Тексты автобиографических воспоминаний Амфитеатрова и Дорошевича часто пересекаются с газетными публикациями предыдущих лет, создавая устойчивые “фигуры памяти”. В связи с тем, что мемуары писались для публикации в конкретных периодических изданиях, мы учитывали близость созданных ими автобиографических текстов к жанру публицистики; понимали, что большинство текстов ориентировано на существовавший в сознании их авторов образ читателя; фиксировали внимание на обращенность сюжетов прошлого в настоящее, стремление их авторов к злободневности и использованию символического потенциала мемуаров о знаковых фигурах, сюжетах и событиях прошлого для мировоззренческой борьбы в настоящем.

Как признавался Амфитеатров, “воспоминания” – дело, дважды лукавое. Во-первых, потому, что воспоминатель обыкновенно сбивается в живписание не столько вспоминаемого, сколько самого себя в отношении к нему, и тут надо держать ухо востро, чтобы, по слабости общечеловеческой, не нахвастать. Во-

вторых, – это уж мое личное, – я, начав вспоминать, никак не могу кончить. Бог наградил меня цепкою памятью: чудовищно накопленный склад моментальных фотографий с впечатлений прошлого. Каждая сколько-нибудь близкая мне когда-либо фигура испещрена неисчислимыми характерными подробностями; и каждая подробность представляется мне ценною и необходимою к рассказу, и каждую мне жаль упустить” (Амфитеатров 2004: 21). Страницы воспоминаний Амфитеатрова и Дорошевича заполнены портретами их современников, создавая картину жизни Москвы, литературного, академического, театрального и музыкального мира России конца XIX-начала XX вв. Именно через биографии, например, Амфитеатров рассказывает историю своей жизни, своей эпохи, своей России. Выбор персонажей, включение их в свое автобиографическое письмо, определяется не только степенью близости или значительностью персонажа, но и отражением в его судьбе определенного этапа биографии самого Амфитеатрова, позволяя показать ценные для него события, институты, идеи, и в целом представить свою биографию

как часть истории страны и истории российской интеллигенции. Так, например, «блестящая эпоха Московского университета» воплощается у Амфитеатрова в портретах А.И. Чупрова, М.М. Ковалевского, В.О. Ключевского, Н.А. Сергиевского; период его театральных увлечений нашел отражение в портретах русских, французских, немецких, итальянских актеров Корсова, Южина, Ермоловой, Поссарта, Росси, Мазини, Сальвини; музыкальный мир – в портретах П.И. Чайковского, Н. и А. Рубинштейна, русское революционное движение и эмиграция предстает в воспоминаниях о Г.В. Плеханове, Г.А. Лопатине, В.А. Чернове, Н.В. Чайковском, Б.В. Савинкове, и конечно значительное место в воспоминаниях Амфитеатрова занимают писатели, поэты и журналисты, или как определял свою профессию сам Амфитеатров, – «литераторы». Воспоминания о литераторах отражали и стремление Амфитеатрова оставить память о важных, дорогих для него людях, и естественно, отражали его собственное становление, этапы профессиональной деятельности, сотрудничества в периодических изданиях, эстетические и идейные позиции, а также служили спосо-

бом профессиональной самоидентификации (воспоминания о Чехове, Толстом, Майкове, Тургеневе, Достоевском, Айзманае, Арцыбашеве, Горьком, Волошине, Дорошевиче, Суворине и др.). Можно увидеть в термине «литератор», используемом для обозначения принадлежности к особой профессиональной группе, отражение специфики идентификации людей, занятых литературным трудом. Литераторы как профессиональная группа не тождественны интеллигенции (учитывая многозначность и историческую трансформацию последнего понятия), и само использование слова «литератор» показывает приоритет профессиональных критериев, нежели идейных или этических, неразрывно связанных с употреблением слова «интеллигенция» в русской традиции. В то же время, слово «литератор» используется для конструирования группы, включающей как журналистов, так и писателей, что можно объяснить как широко распространенной практикой сотрудничества писателей в периодических изданиях, так и созданием журналистами литературных произведений в «больших» и «малых» формах. Растущий спрос на литератур-

ный труд, расширение сети периодических изданий и деятельности различных издательств, соединялось с профессионализацией литературного труда, но и заставляло представителей этой «свободной профессии» использовать все возможности для продажи своих текстов или выхода на «литературный рынок». Таким образом, профессиональная граница между журналистами и писателями часто оказывалась весьма иллюзорной. Кроме того, коммерциализация прессы и распространенная литературная «поденщина» могли привести к снижению статуса журналиста (несмотря на всю популярность многих представителей этой группы). Принимая во внимание особый высокий, почти сакральный, статус литературы в русском обществе, понятно стремление журналистов к формированию более общей «литературной» идентичности. Здесь был бы интересен компаративный анализ идентичности журналистов в России и других странах, что позволило бы выявить особенности профессиональной самоидентификации.

Исходя из того, что основным объектом нашего внимания являются мемуары журналистов, начнем с выяснения во-

проса о том, как влияла профессиональная принадлежность на репрезентации в их текстах времени и пространства. Как свидетельствуют мемуарные очерки русских журналистов рубежа XIX–XX века (А.В. Амфитеатрова, В.М. Дорошевича, П.П. Перцова, В.А. Гиляровского), факт “литературного рождения” для них был не менее значим, чем момент физического появления на свет. Начало литературной деятельности – обязательный элемент автобиографий писателей, журналистов, отражающий формирование профессиональной идентичности и изменяющий темпоральную структуру автобиографического письма изучаемой эпохи. Празднование многочисленных юбилеев литературной деятельности актуализировало вопрос о дате литературного рождения, закрепляя новую, “профессиональную” жизненную хронологию. При этом А.В. Амфитеатров, в отличие, например, отранее упомянутого нами Перцова, отказывался считать началом литературной деятельности первую публикацию, справедливо полагая, что для профессионального литератора самого факта публикации явно недостаточно как точки отсчета. “Личное мое мнение –

что хронология литературной деятельности должна вестись с того срока, когда писатель посвятил ей себя профессионально, или, по крайней мере, с появления в печати первого произведения, которое он сам считает ответственным, либо оно принято как ответственное обществом и критикой” (Амфитеатров 2004: 144). Соответственно, Амфитеатров отмечает две даты, отражающие его вхождение в “поле журналистики и литературы”: 1884 год – рассказ *Алимовская кровь*, напечатанный в «Русских Ведомостях», и 1889 год – начало постоянного сотрудничества в редакции «Нового Обозрения» в Тифлисе. Многочисленные публикации в «Будильнике» и «Осколках» сам Амфитеатров не рассматривал как профессиональную литературную деятельность, а определял как “дилетантское озорство” (Амфитеатров 2004: 145).

Анализ воспоминаний В.М. Дорошевича позволяет утверждать, что профессиональная идентичность была для него одной из доминирующих. Журналисты выступают в качестве героев его мемуарной прозы, мир журналистики задает координаты для конструирования авторских представлений о времени и простран-

стве, авто/биографические очерки наглядно предъявляют его рефлексивную позицию по поводу статуса журналиста в обществе, его материального положения, профессиональной этики и др.

Воспоминания Дорошевича, с одной стороны, отражают особенности формирования профессионального сообщества русских журналистов, с другой же, они демонстрируют идеальный образ этого сообщества, наделенный теми социокультурными характеристиками, которые представляются автору наиболее существенными и имеющими дидактическое значение не столько для его современников, сколько для потомков. В биографическом очерке, посвященном редактору «Одесского листка» С.Т. Герц-Виноградскому, читаем: “– Журнализм – это донкихотство! – говорил мне старый ‘барон’. – Я двадцать пять лет воевал с невежеством, с грубостью, с глупостью. Главное – с глупостью. Рассказавшись на своем Россинанте, вонзал со всего размаха копьё... Он, иронически улыбаясь, кивнул на ручку с пером: ‘– В крылья ветряных мельниц... Ветряные мельницы вертятся по-прежнему, – я, разбитый, лежу на земле с выбитыми зубами’.

‘Беззубый фельетонист’. Я стараюсь утешить себя: ‘Приносил пользу’. Разве это не тот же глупый ‘волшебный’ бальзам, который делал для себя Дон-Кихот! Раны от этого бальзама не проходят. Да и самый ‘шлем’ журналиста? Кажется, я тазик цирюльника принимал за рыцарский шлем... Он писал смело, горячо. Страстно. Ни с чем не считаясь, кроме цензуры, да и с ней считаясь плохо. Не его вина, что часто истинно пушечные заряды ему приходилось тратить на воробьев. Это был большой талант! Созданный вовсе не для провинции. Работай он в Париже, – его имя гремело бы. А в провинции... В Одессе. Где газета находится не под одной цензурой – под десятью цензорами, где всякий над газетой цензор. Тут не расскачешься. Тут всякий Пегас скоро превратиться в Россинанта” (Дорошевич 2008: 553-555). Заметим, что образ провинциального журналиста-подвижника, мученика, борца с невежеством и с чиновничьим произволом был характерен для русских литературных мемуаров изучаемой эпохи, однако Дорошевич сравнивая провинциального журналиста с известным и любимым литературным персонажем, делает этот образ элементом

мифологии о русской журналистике. В то же время отметим, что в конструировании образа журналиста широко использовались элементы интеллигентского дискурса, происходил перенос характеристик, и профессиональная идентификация соединялась с уже существующей социально-культурной идентификацией интеллигенции (тот же образ Дон-Кихота использовался и в мифологии русской интеллигенции). Луиза МакРейнольдс в своем исследовании, посвященном русской газетной прессе, говорит о существовании своеобразного соперничества между журналистами и интеллигенцией за власть над читающей публикой, отказе газетных журналистов от морализаторства старой интеллигенции в стремлении к утверждению новых ценностей и себя в качестве «новой интеллигенции», создающей общественное пространство и транслирующей общественное мнение (McReynolds 1991).

Дорошевич и Амфитеатров пришли в профессию в конце XIX в., когда идейные 'толстые' журналы, рассчитанные на взыскательную, интеллектуальную и идеологически ангажированную публику, уступили свое первенство сначала иллюстрированным ежене-

дельникам "для семейного чтения", а затем газетам, рассчитанным на "пеструю публику", на массового читателя. Это, во-первых, обусловило потребность в журналистских кадрах, во-вторых, способствовало обращению к журналистскому труду людей разного социального статуса, образовательного уровня, часто воспринимающих профессию исключительно как способ заработка, а не служения "общественным идеалам", что было присуще "идейной" журналистике 1850–1880-х гг. В этом случае мемуарные очерки о журналистах-литераторах выполняли не только идентификационную функцию, определяя характеристики этой открытой, формирующейся социо-профессиональной группы, но и служили укреплению границ группы, формируя нормативное поле.

Для характеристики социокультурного облика "новообращенных" и складывающейся социопрофессиональной группы в целом, Дорошевич использует образ "Запорожской Сечи". Он, в частности, писал: "Здесь принимают всех, без разбора. Сюда идут все. Люди, не нашедшие своего истинного призвания, люди, которым темное прошлое мешает заняться службой или дру-

гим делом, просто неудачники на всех поприщах, люди, бегавшие от всех тягот настоящего труда, люди, ищущие легкого труда и быстрой наживы... В Запорожской Сечи человека хоть спрашивали, в какого он Бога верует. В журнально-газетной сечи ни о чем не спрашивают. – Пиши!” (Дорошевич 2008: 10). Образ Запорожской Сечи для Дорошевича имеет несколько смысловых значений: он символизирует “вольницу”, объединившую “пишущую братию”; товарищество коллег по профессии; последнюю надежду тех, кто отчаялся бороться за свои права. Размышляя о значении печатного слова для своих соотечественников, Дорошевич замечал: “Печатное слово’ у россиянина – это уже последнее прибежище. Самое последнее. Человек уж, значит, везде был и ничего не добился. В консисторию, в пробирную палатку раньше человек забежит.

- Может, там что выйдет!
Все-таки казенное место.

И когда нигде ничего, тогда бежит в ‘Запорожскую сечь’...” (Дорошевич 2008: 297). С одной стороны, именно печатное слово, по мнению Дорошевича, в условиях нераз-

витости политической жизни, отсутствия гражданских свобод, могло защитить “лишенное прав, трепещущее, забитое, запуганное население” (Дорошевич 2008: 290). С другой же, оно способно побудить пассивное население к политической активности.

Однако наряду с образом журналистики как “Запорожской вольницы”, Дорошевич актуализирует образы “газетной каторги” как чудовищальнодоеда, который претендует не только на талант, но и на жизнь журналиста. “Когда у журналиста, измученного ежедневной работой, не хватает больше сил на эту ужасную, вытягивающую все соки работу, – его без церемоний выбрасывают, как выжатый лимон, как истоптанную подошву.

Сколько сошло с ума!
Сколько покончило самоубийством!
Сколько преждевремен-
но сошло в могилу от ча-
хотки, от истощения, от
изнурения непосильной
работой.
Сколько человеческих
жизней берет это чудо-
вище, которое называет-
ся ‘периодической прес-
сой’.

И ничего впереди, кроме смерти под забором” (Дорошевич 2008: 11).

Одним из показателей успешности издателей, Дорошевич считал их отношение к журналистам. Он, в частности, замечал, что многие грехи, которые были на журнальной совести А.С. Суворина, тому можно простить за одно – за то, что он помог встать на ноги А.П. Чехову. По мнению Дорошевича, “Чеховым Россия обязана Суворину” (Дорошевич 2008: 651). Известно, что сам Дорошевич активно выступал за повышение общественного статуса журналистов, улучшение их материального положения. В «Русском слове» он добился высокой гонорарной оплаты журналистского труда, введения оплачиваемых отпусков для сотрудников газеты и других социальных гарантий.

Таким образом, характеристики мира журналистики ярко отражают процесс профессионализации литературного труда, постепенную трансформацию интеллигенции в отдельные профессиональные группы, но при сохранении значения интеллигентского дискурса для конструирования новых идентичностей.

Изменения в мире журналистики были также одним из

критериев при выделении тех или иных периодов в истории страны и жизни героев биографических очерков Дорошевича и Амфитеатрова. Типична для мемуарной прозы Дорошевича следующая реплика: “Времена переменились. Газеты, где он боролся с ‘меркантильным духом времени’, сами стали делом меркантильным. Газета из ‘дерзкого дела’ превратилась в ценность, в акцию, на которой, как купоны, росли объявления. Издатель из пролетария превратился в собственника” (Дорошевич 2008: 558). Статус периодической печати и журналиста в обществе, степень свободы печати – основание для эмоционально-ценностного измерения мемуаристом того или иного временного отрезка современности. В очерке, посвященном «Русскому слову» встречаем: “Легких для печати времен в России еще не было. Но то были времена особенно трудные. Такой ‘свободы’ издавать газету – заявил и издавай, пока не прихлопнут! – тогда и не снилось...” (Дорошевич 2008: 645).

Хронотоп мира журналистики у Дорошевича раскрывается не только при помощи метафорических образов русской истории, в своих очерках он активно обращается к антич-

ному наследию. Позволим себе объемную цитату: “Газета... Представьте себе площадь, что-нибудь вроде афинской агоры. Рынок, на котором каждый выкрикивает товар, который он продает. Моряки, вернувшиеся из дальних плаваний. Черные нубийцы. С матовыми лицами, с задумчивыми глазами жители финикийских берегов. Огромные скифы из гиперборейских стран... Все это рассказывает только что привезенные новости о далеких странах, о чудесах, которые они видели. Оратор в красивой, увлекательной политической речи старается захватить, завоевать толпу, язвить и клеймить своих соперников. И толпа жадно внимает мастерской речи. Отсюда видны Акрополь и спускающееся по Пропилеям священное шествие. Видны камни, на которых ночью будет заседать грозный ареопаг. И темница в скале, где умер Сократ. Театр Диониса, где хохот гремит над комедиями Аристофана. А в стороне, под портиками академии, в тени, мудрецы, окруженные учениками, тихо и спокойно ведут беседы, углубляя жизнь. И если все это залит солнцем таланта! Вот что такое газета” (Дорошевич 2008: 650-651).

Обратим внимание на то, что рецепции античности и библейские персонажи вообще широко представлены в авто/биографических текстах Дорошевича (сам мемуарист – неудавшийся *Акоста*; купец Н.А. Алексеев – *Перикл* Москвы; М.В. Лентовский – ее *Алкивиад* и *Антей* одновременно). “Я много видел Зевсов разных Олимпов. Более милого и приветливого Зевса я не видал никогда. Вот бы с кого нарисовать картину. Историческую русскую картину: ‘Интеллигент’. Все было именно интеллигентно в его лице. Он был красив. Длинные седые волосы. Седая борода. Полное жизни и мысли лицо... Он был богом достоинства и приветов... Его статьи гремели, как гром. И после них нам было бодрее и легче дышать, как после пронесшейся грозы. Воздух наполнялся озоном. И в этом озоне бродили мысли в наших головах. Я был рад, что он оказался таким в жизни. Что он, звавший к светлому и ясному, был так светел и ясен в жизни. Философ на пиру. Философ из платоновского ‘Пира’”, – читаем в воспоминаниях Дорошевича о Н.К. Михайловском (Дорошевич 2008: 610-611). Рецепция античного наследия в русской культуре начала XX века, широкое ис-

пользование античных тем и образов в литературе, живописи, философии, нашло отражение и в текстах журналистов. Язык античной культуры широко использовался для характеристики времени и пространства России рубежа веков.

Репрезентации детства в воспоминаниях А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича

В автобиографическом письме русских интеллектуалов XIX–XX веков особую роль играют воспоминания детства, с которых, как правило, начинают жизнеописание. Именно в воспоминаниях детства чаще всего проявляются социальные рамки памяти, многое “вспоминается” благодаря рассказам членов семьи, ранние воспоминания соединяются с более поздними, формируя одно общее воспоминание. Воспоминания могут “подтверждаться” в разговорах с друзьями, родственниками, обогащаться новыми деталями при чтении мемуарных и художественных произведений, “присваивая” воспоминания. В воспоминаниях В.М. Дорошевича детство фактически отсутствует, за исключением небольших воспоминаний о гимназическом периоде его

жизни, и как отмечали современники, Дорошевич предпочитал не вспоминать о своем детстве, так как его мать отказалась от него и его воспитывали приемные родители. В то время для Амфитеатрова детские воспоминания имели большое значение. Он начинает свои воспоминания: “Я родился 14 декабря 1862 года в Калуге, губернском городе средней величины и небольшого значения, как в отношении административном, так и в промышленно-торговом. Отец мой, молодой священник и профессор местной духовной семинарии, занимал, место смотрителя благотворительного учреждения, носившего довольно грустное название Сиротского дома. В этом-то Сиротском доме, сам отнюдь не будучи сиротою, я увидел свет ранним декабрьским утром, в то время как отец мой служил в домово́й церкви раннюю обедню” (Амфитеатров 2004: 26).

Начало собственных воспоминаний Амфитеатрова, по его утверждению, относится к возрасту двух лет, он пишет о «воспоминаниях-призраках», подчеркивая их смутность, фрагментарность, расплывчатость. “От Калуги у меня остался в умственном зрении какой-то странный *призрак*

большого дома с куполом над могучею рекою, Да еще глубокий овраг, через который был перекинут мост” (Амфитеатров 2004: 27). Амфитеатров отмечает, что, по словам матери, эти ранние воспоминания совершенно точно совпадали с действительностью (хотя возможно, сами воспоминания и сформировались на основе рассказов матери), так как Амфитеатров писал: “из Калуги я был увезен таким маленьким, что **ничего не помню, хотя знаю** [выделено нами – Н. Р., Т. С.], что меня несколько раз возили туда из уездного города Лихвина, в который вскоре после моего рождения отец мой был переведен с повышением в протоиереи и назначен благочинным для города и уезда” (Амфитеатров 2004: 27). Именно к Лихвину относятся первые «сознательные воспоминания» Амфитеатрова в возрасте трех лет. “Могу сказать с уверенностью, что первый день или, вернее, вечер, который я твердо помню, с которого, так сказать, началась моя памятливая жизнь, был днем крещения младшей моей сестры Александры. Событие это врезалось в мою младенческую память, однако не самим фактом своим, но тем совпадением, что именно в этот день взялся

в нашем доме неизвестно откуда преогромный старый кот с обрубленным хвостом, который прожил у нас в доме много лет и был моим великим приятелем” (Амфитеатров 2004: 27).

Как замечено Т.М. Колядич, модель детства в русских литературных мемуарах интересующей нас эпохи замкнута и раскрывается постепенно. Общий подход к моделированию мира детства традиционен. Он основан на поиске общих ключевых понятий, устойчивых образов и мифологем. Доминирующими среди них становятся “дом”, “родители”, “дорога”, “путь”. С помощью мифологемы “дом” создается внутренняя среда, в которой происходит действие и происходит самоопределение героя (Колядич 1998). Детские ранние воспоминания Амфитеатрова четко локализованы в пространстве (дом, река, улица, овраг), и как он сам отмечал, пейзаж Лихвина он помнил лучше, чем другие уездные городки Калужской губернии, в которых в дальнейшем жила семья Амфитеатровых. Причину устойчивости и яркости этих воспоминаний сам Амфитеатров объяснял красотой реки Ока (“полноводная и ясная”, “из всех русских рек самая рус-

ская”, “река былин, сказок, преданий”) (Амфитеатров 2004: 30). “С первого моего сознания я был влюблен в Оку, и очень может быть, что она представляется мне в преувеличенной, как бы сказочной красоте, которой давно уже нет на самом деле, а может быть, и тогда уже не было” (Амфитеатров 2004: 30). Амфитеатров вспоминает весенний разлив реки, ледоход, небольшую гору вниз по течению реки, старый лес, и в этом описании природы воплощается представление о русском, пейзаж служит характерным средством выражения представлений о национальном. Но важно, что описания природы соединяются с чувством исторического, пейзаж через былин и предания наполняется новым смыслом, превращается в национальный символ. Детские воспоминания Амфитеатрова об Оке могли актуализироваться каждый раз, когда он путешествовал, “проезжая ее по железнодорожному мосту у Серпухова, и она казалась мне каждый раз довольно жалкою речонкою, испещренною песчаными мелями. Однако ее изумительные весенние разливы остались в моей памяти истинно подобными морям, как сказал о том наш поэт” (Амфитеатров

2004: 30). Упоминание в этом случае стихотворения Лермонтова *Родина* (“нашего” поэта) выглядит символично, хотя для Амфитеатрова вообще характерно частое использование прямых и скрытых цитат, аллюзий.

Воспоминания о детстве, как правило, фрагментарны, слабо локализованы во времени и пространстве. Не случайно, детские воспоминания сравнивают со сновидениями. Но Амфитеатров подчеркивает ценность этих детских воспоминаний, их важность и необходимость. “Когда обращаешься мыслями к детству, массами выплывают такие впечатления, что сам не знаешь о них – было так, или, может быть, только снилось во сне, или, может быть, даже и не снилось, но лишь что-то нам в таком роде рассказывали? Погружаться в такие воспоминания – большое наслаждение, и образы их необычайно дороги человеку во всех своих смутных подробностях” (Амфитеатров 2004: 67).

В воспоминаниях о своем детстве Амфитеатров использует упоминания о значимых исторических событиях для уточнения собственного возраста, создавая прочную связь между хронологией всемирной истории и собственной жизни. За-

даваясь вопросом “сколько лет мне тогда могло быть?”, Амфитеатров вспоминает постоянные разговоры о Франко-прусской войне, имена Бисмарка и Мольтке, которые “навязли в ушах”, и делает вывод, что “шел 1870 год – значит, мне минуло восемь” (Амфитеатров 2004: 63). Но этот год значим для него не войной, она служит только способом уточнить дату первых самых ярких театральных впечатлений.

Согласимся с Е.Г. Новокрещенных в том, что воспоминания о детстве – стержневой объект самоанализа и саморефлексии образа автобиографического героя. Именно они раскрывают внутреннюю сущность автобиографического ‘я’. Личностно-значимые образы (топосы дома, усадьбы, образы родителей, дворовых людей), символизируя мир детства, способствуют раскрытию образа ‘я’, выявлению психологических процессов, которые сыграли знаковую роль в формировании личности самого автора (Новокрещенных 2008: 19-20).

Коммуникативная память (Асманн 2004) играет особенно важную роль в формировании воспоминаний, и Амфитеатров нередко ссылается на рассказы о своем детстве, заме-

нившие собственные воспоминания, а также в его автобиографическом письме явно присутствуют воспоминания об эпохе 1860-х годов, оставленные представителями старшего поколения. Кроме того, литературные изображения жизни уездной интеллигенции 1860-х годов могли повлиять на формирование воспоминаний об этом времени. Как писал Амфитеатров: “Из всех литературных изображений уездной интеллигенции в 60-е годы мне наиболее правдоподобным представляется кружок зрителя Гловацкого в ‘Некуда’ Н.С. Лескова. Было общение образованных честных людей, стремившихся к просвещению и к просветительской гражданской деятельности. Жили без педантизма, молодо, весело, неглупо и с жадным интересом ко всему, доходившему слухом из столиц” (Амфитеатров 2004: 33-34).

В интеллигентском дискурсе эпоха 1860-х годов заняла особое место, не случайно Амфитеатров писал: “Десятилетие, к которому относятся мои детские воспоминания, вообще замечательнейшее в духовной жизни России XIX века...” (Амфитеатров 2004: 34). Образ 60-х годов и поколения 60-ков являлся устойчивым элемен-

том социальной памяти поколения 1880-х, к которому относил себя Амфитеатров, а также важным элементом социальной памяти группы, определявшей себя как интеллигенцию. Таким образом, существовавшие коллективные представления об эпохе 1860-х годов соединялись с индивидуальными воспоминаниями Амфитеатрова о своем детстве, включая этот период его жизни в более широкий социальный и культурный контекст. Кроме того, 1860-е годы были значимым этапом в истории русского духовенства, характеризовавшимся двумя течениями: “Во-первых, бегством из духовного сословия множества талантливых и умных молодых людей, устремившихся к светским свободным профессиям, преимущественно в литературу и начавшуюся развиваться журналистику. [...]. Сыновья духовных лиц, вместо того, чтобы следовать вековому призванию своих предков, ринулись в адвокатуру и решительно предпочитали университетские аудитории духовным академиям. [...] Другой путь, обозначенный протестом, создал новое поколение в недрах самого духовенства. Поколение, философски образованное, не чуждавшееся светской культуры, усвоившее

и проповедовавшее религию более в духе, чем в букве...” (Амфитеатров 2004: 34-35). Поэтому воспоминания о семье у Амфитеатрова отражают эти изменения в духовном сословии, создавая образ отца как представителя нового поколения в духовенстве. Как показала Лори Манчестер, образ отца занимал чрезвычайно важное место в автобиографическом нарративе «поповичей», выступая одним из элементов конструирования идентичности (Manchester 2002; 2008). Мы можем сказать, что воспоминания Амфитеатрова соединялись с социальными представлениями (об этом свидетельствует даже само использование слова “интеллигенция”, которое в 1860–1970-е годы только начало распространяться). Хотя сравнивая основные характеристики автобиографического нарратива “поповичей”, выделенные Манчестер, мы можем отметить существенные отличия от них в воспоминаниях Амфитеатрова.

Мы уже раскрывали причины появления и популярности поколенческой градации прошлого, настоящего и будущего в автобиографических текстах русских интеллектуалов второй половины XIX–XX веков (Родигина, Сабурова 2011;

Rodigina, Saburova 2012; Сабурова 2012). Основываясь на подходе К. Мангейма (Мангейм 2000), мы рассматриваем поколение как символическую общность людей, объединенных не только и не столько датой рождения, сколько переживанием общих современных им исторических событий, создающих самобытное коммуникативное пространство, социокультурные коды, и осознающих свое единство и отличие от других сообществ такого рода. Поколение выступает как один из возможных способов идентификации и самоидентификации, а также вариант осмысления и интерпретации исторического развития общества (Родигина, Сабурова 2011: 134). Поколение выступало новым способом социальной идентификации в условиях разрушения, размышления прежней традиционной социальной структуры, отражением поисков новых социальных градаций, и было чрезвычайно созвучным такому социально неопределенному понятию как “интеллигенция”. Конструирование образов поколений-предшественников являлось для журналистов рубежа XIX–XX веков одним из способов рефлексии по поводу собственной поколенческой принадлежности, фор-

мой самоопределения в социокультурном пространстве современной им России.

Поколения были одной из единиц измерения прошлого и для Дорошевича. Причем, чаще всего поколения представителей “журнально-литературного мирка”. Так, описывая сатирический журнал «Пулемет», Дорошевич вспоминает его ведущих карикатуристов Л.Л. Белянкина, М.М. Чемоданова, К.Н. Чичагова: “Три представителя трех разных эпох. Здесь, в этой редакционной ‘коробке’, – это всплески далеких волн. ‘Злых’ шестидесятых годов, бурных восьмидесятых, покладистых девяностых” (Дорошевич 2008: 147).

Щемящей грустью и ностальгией овеяны характеристики Дорошевичем 1860-х гг. как эпохи, *богатой на людей и надежды*. Вновь позволим себе пространную цитату с описанием Ф.Н. Плевако, так как в ней очень емко передан образ шестидесятников и 1860-х гг.: “И смотрит со старого портрета молодое лицо – типичное лицо человека шестидесятых годов. На них был какой-то отпечаток, который они так и сохраняли до смерти, вместе с ‘неблагоденными’ длинными волосами. Если б тогда ‘увенчали здание’! Но здание

сорок лет простояло без кровли. Выветрило все внутри. И падавший снег, и осенние дожди, и холодные туманы, и едкая пыль съели все, все почернело. Если бы тогда... Мы имели бы своего Мирабо. Не Робеспьера. Не Дантона. Но Мирабо. Какой бы голос имела страна для выражения своих мыслей и чувств! Несчастны те, кто поздно родился! Несчастны те, кто родился слишком рано! Плевако родился рано. На тридцать лет рано. А те, кто делал судьбы России, родились поздно. Вместо XVII века во второй половине XIX. Герцен говорит, что на людей, как на виноград, бывают свои урожаи. Такой бывает виноград, что вино потом ценится, словно жидкое червонное золото. В те годы был урожай на людей. Человек родился крупный. И вино затерли – могучее вино. 1905 год пришел, когда виноградники наши не радовали. Неурожай на людей. Дряблая кисть. Водянистая ягода” (Дорошевич 2008: 355). Как для многих современников, для Дорошевича 1860-е годы были зеркалом, в котором отразилась последующие эпохи общественной жизни имперской России, точкой отсчета упущенных возможностей. Но какая именно эпоха и какое по-

коление были “своими” для Дорошевича? Его мемуары не дают оснований для ответа на этот вопрос, так как артикулируя свою профессиональную идентичность, Дорошевич не упоминает о своей поколенческой принадлежности, что дает основания предположить, что последняя для него не обладала самостоятельной ценностью или рефлексия на эту тему была для автора болезненной.

Образ и тема Москвы в мемуарах В.М. Дорошевича и А.В. Амфитеатрова.

Нам представляется справедливым вывод Н.Е. Меднис о структурной рыхлости, несформированности “московского текста” как единого сверхтекста русской литературы и культуры, по аналогии с “петербургским текстом” В.Н. Топорова (Меднис 2003). С нашей точки зрения наиболее правомерно говорить о теме и образе Москвы в мемуарной прозе Дорошевича и Амфитеатрова.

Как и в воспоминаниях “собрата по профессии” В.А. Гиляровского, Москва – один из главных персонажей авто/биографических текстов “короля русского фельетона” Дорошевича, ее имя вынесено

в названия очерков *Уходящая Москва, Уголок старой Москвы, Московское Монте-Карло, М.В. Лентовский. Поэма из московской жизни*, она является действующим лицом практически всех очерков, посвященных москвичам. Москва, как человек, боготворила, «со вкусом, с гордостью даже, говорила», она кутила, вознаграждала, за голову хваталась. Как в свое время Н.В. Гоголь (Манн 1998: 71-85), Дорошевич наделял Москву, женским характером и почтенным возрастом. Она для мемуариста бесценная старушка, старая легендарная Москва, наша старуха. Москва Дорошевича принадлежала к купеческому сословию, ее экономическое положение соотносилось с определением богатейшая и, конечно же, она имела свой характер. Она хлебосольная и широкая, жадная до зрелищ и беспутная, но милая, вольнолюбивая, свободолюбивая и романтическая. Причем романтическая настолько, что «сожгла себя, чтобы не отдаться Наполеону» (Дорошевич 2008: 103). Москва занимает центральное место и в мемуарном письме Амфитеатрова. Москву он, также как и Дорошевич, описывает как важное действующее лицо эпохи: *Москва не сомневалась,*

его читала и знала буквально вся Москва, Москва приняла и т.д. В качестве московского корреспондента «Нового времени» Амфитеатров создал множество ярких зарисовок современной и уже ушедшей Москвы в разделах *Типы и картинки, Листки*.

У Москвы были свои этапы биографии, периоды истории, отличные от истории «остальной России». Например, Дорошевич так описывает время после отставки генерал-губернатора В.А. Долгорукова: «Настал пятнадцатилетний 'едяной период' истории Москвы. Период аракеевщины. Когда сам Фамусов ушел бы из такой Москвы. Когда сам Скалозуб нашел бы, что 'фельдфебеля в Вольтерах' уж слишком запахли 'хожалыми'. Пришли новые люди на Москву, чужие люди. Ломать стали Москву. По своему переиначивать нашу старуху. Участком запахло. Участком там, где пахло романтизмом» (Дорошевич 2008: 132). В зависимости от сменяющих друг друга десятилетий менялись и любимцы Москвы, и ее вкусовые пристрастия. Именно знаменитые москвичи являлись символами той или иной исторической эпохи для Дорошевича, позволявшими раскрыть ту или иную социокуль-

турную характеристику любимого города. Типична следующая авторская ремарка о Москве 1860-х гг.: “Это была легендарная Москва. Москва – скупости Солодовникова, кутежей Каншина, речей Плевако, остроумия Родона, строительства Пороховщикова, дел Губонина. В литературе – Островский. В университете Никита Крылов, Лешков, молодой Ковалевский. В медицине – Захарьин. В публицистике – Аксаков. В консерватории – Николай Рубинштейн” (Дорошевич 2008: 97). Вполне в традициях *Физиологии Петербурга* (1845 г.), Дорошевич выделяет особую московскую породу людей, к которой относит, к примеру, “мага и волшебника Москвы” М.В. Лентовского, миллионера-фабриканта М.А. Хлудова (Дорошевич 2008: 113-114). К числу характеристик “этой породы” можно отнести широту, успешность, способность к нетривиальному поступку и др. Предметом особой гордости Москвы Дорошевича были театры, университет (“маяк, сохранявший огонь, для тех блуждал во мгле”), кухня... О последней Дорошевич не без удовольствия писал: “Москва Егорьевских блинов, Сундучного ряда, москворецких огурцов, ветчи-

ны от Арсентьяча, Бубновского с кашею леща” (Дорошевич 2008: 106).

По сложившейся с 1810–1830-х гг. литературной традиции, Дорошевич разделял официальный/официозный Петербург (Петроград) и Москву “как самый большой губернский город в России”. “Угол зрения” для сравнения старой и новой столиц был продиктован профессиональной принадлежностью мемуариста и определялся насыщенностью событиями, дававшими информационные поводы для газетных публикаций. “Все сосредоточилось в Петрограде. В Москве случаются только происшествия. События происходят в Петрограде” (Дорошевич 2008: 653).

Образы Москвы, создаваемые Амфитеатровым в воспоминаниях, это, прежде всего, образы Московского университета и Малого театра как главных символов Москвы, и соответственно, людей, связанных с Московским университетом и Малым театром. Заметим, что подобная репрезентация Москвы была характерна для автобиографического письма русской интеллигенции второй половины XIX века, и Амфитеатров, (к тому же как выпускник Московского университета, и поклонник таланта

Ермоловой), продолжает эту традицию, формируя образ Москвы как культурной столицы в противоположность чиновному, официальному Петербургу.

Как замечено Т.М. Колядич, в мемуарах о начале XX века часто встречается интерпретация образа Москвы как символа определенных устоев и взаимоотношений. Так, для А. Белого, М. Шагинян, А. и М. Цветаевых он связан с бытом профессорской интеллигенции (Колядич 1998). Важным содержательным элементом темы Москвы в мемуарах Амфитеатрова являются воспоминания о Московском университете. Хотя Амфитеатров, как и многие выпускники юридического факультета Московского университета, не стал профессиональным юристом, и учился там, более под влиянием семьи, чем сделав сознательный выбор, университетские годы для него оказались очень важны, но не в плане профессионального образования, а скорее как этап социализации, вхождения в новую социальную и культурную среду (формирования не столько профессиональных, сколько общекультурных “компетенций”). Примечательно, что “университетский период” как темпоральная еди-

ница превращается в “блестящую точку” в воспоминаниях Амфитеатрова. “Окидываешь умственным взором бег годов от блестящей точки ‘университетского периода’... Эх, что надежд-то разрушено! Что намерений-то уплыло! Что взглядов-то изменилось! А она – эта блестящая точка – неизменно сияет твердою, неподвижною звездой и так манит к себе излучающим добро и правду светом...” (Амфитеатров 2004: 120). Мир Московского университета представлен в воспоминаниях Амфитеатрова как культурное пространство, связывающее вместе профессоров и студентов, символом которого является празднование Татьянинного дня, пространство лекционных аудиторий и студенческих собраний. Таким образом, университет соединяет в себе пространственные и темпоральные характеристики, индивидуальное и коллективное, автобиографию и биографию. При этом сам Амфитеатров идентифицирует себя как москвича (он родился в Калуге, его семья переехала в Москву, когда ему было 10 лет), и самые яркие и сильные впечатления детства и юности связаны были именно с Москвой (учеба в московской гимназии, затем в Московском

университете, увлечение театром и литературная деятельность). Неоднократно Амфитеатров называет себя “москвичом-восьмидесятником”, “московским восьмидесятником”, подчеркивая не только поколенческую идентичность (всегда важную для Амфитеатрова), но раскрывая ее именно через тему Москвы. Неоднократно вспоминая о “Москве и москвичах”, Амфитеатров создает через образ Москвы образ дореволюционной России, стремясь в эмиграции сохранить в памяти последующих поколений образ потерянной им страны. Москва воплощает в себе в воспоминаниях Амфитеатрова то прошлое, которого больше нет, в противоположность неприемлемой для него советской, большевистской России, и вновь и вновь, обращаясь к теме Москвы и «замечательных» москвичей, Амфитеатров, участвует в формировании коллективной памяти как основе для сохранения национальной идентичности, проблеме, особенно острой в условиях эмиграции.

“О, страна долгих расстояний и бесконечных ожиданий!”: лики России в воспоминаниях В.М. Дорошевича

В мемуарах Дорошевича явно представлены четыре лика России: 1) мать-просительница в кабинете адвоката, нуждающаяся в защите; 2) страна похоронных процессий; 3) страна, где мысль до Якутска доведет; 4) страна огромных богатств и невостребованных людских резервов. Все перечисленные образы структурно и функционально связаны между собой, эмоционально насыщены и наглядно репрезентируют мировоззренческую идентичность мемуариста. С отчаянием обращаясь к Ф.Н. Плевако, Дорошевич восклицает: “Среди ограбленных миллионерш, которых вы отстаивали, *не было более ограбленной и более несметно богатой.* Среди заточенных женщин, которых вы защищали, *не было более заточенной.* Подумайте! Ее имя:

- Россия! Защищайте вашу мать. Это она стучится в вашу дверь. И закликает вас именем тех слез, горьких обид, черной неправды, тяготрусской жизни, ‘обида сильного, презренья

наглеца', беспросветного отчаяния, страданий, муки, скорби, торжества неправды, унижения правоты, мрака, безвестных мучений, – *именем того русского горя*, которого вы видели столько, сколько вряд ли видел пред собой кто другой. И я боюсь, боюсь за ваш чудный талант, за божественный дар, чтоб эта просительница так и не осталась у вас в передней” (Дорошевич 2008: 354).

Для Дорошевича Россия рубежа веков продолжала оставаться страной торжествующего крепостного права (*Крепостное право в XX столетии*), страной, где “все думают по шаблонам” (*Русский язык*), страной бесконечно дорогой, но печальной, где всякому выдающемуся человеку трудно жить, но приятно умереть (М.М. Ковалевский; *Профессор Маркевич*). Одна из трагедий русской жизни Дорошевичу виделась в том, что судьба мыслящего/интеллигентного человека predetermined и в определенной степени географически детерминирована – ее промежуточный или конечный финал – Сибирь (Николай Константинович).

Именно Дорошевичем был введен в активный литературный оборот образ России как страны неисчерпаемых богатств и огромных возможностей, который до настоящего времени является одним из широко тиражируемых в современных СМИ. “Мы любим свою страну. Страну несметных богатств! И почему-то с гордостью добавляем: ‘- И неиспользованных!’. Мы похожи на хозяина, который показывал нам свой дом: ‘- Полная чаша! Все есть! Чего только у меня нет? Парадные комнаты! Никто не живет! Вот кладовые. Меха. Соболя, шиншиллы, черно-бурые лисицы, голубые песцы, седые бобры. Никто не носит. Моль ест. Стальной шкаф. Тут гниют кредитные бумажки. Лежат, выходят из употребления, теряют ценность, превращаются в труху. Все наградил Господь! Бесконечные поля. Дремучие леса. Реки, полные рыбных богатств. В земле нефть, уголь, золото, железо’.

- На целый мир хватило бы.

И все это, - с гордостью добавляем:

- Не использовано!

Но почему же? Почему?

Людей нет?

Я думаю, что из всех богатств в России наименее использованы:
- Людские богатства.

Что наименее мы умеем использовать:

- Людей” (Дорошевич 2008: 396). Репрезентации Москвы и России в автобиографических текстах Дорошевича соотносятся с представлениями о России и “русскости” во многих мемуарных текстах русских либералов второй половины XIX – начала XX в. и являются критической реакцией на официальные версии русского национализма последних десятилетий XIX столетия (Rodigina, Saburova 2012).

Таким образом, несмотря на фрагментарный характер мемуарной, биографической и автобиографической прозы Амфитеатрова и Дорошевича, мы можем сказать, как локализовались в их текстах время и пространство, и каким образом профессиональная принадлежность повлияла на характер воспоминаний. Мемуары содержат несколько вари-

антов репрезентации прошлого: 1) автобиографическое прошлое, предъявляющее индивидуальное ‘Я’ на разных этапах жизни или интервалах самоидентификации; 2) прошлое, воплощенное в биографиях других людей (причем, выбор героев для биографических очерков у Амфитеатрова и Дорошевича практически совпадает); 3) прошлое профессионального сообщества журналистов, история его формирования и попытка его мифологизации; 4) прошлое интеллигенции, представленное через историю поколений; 5) прошлое страны.

Репрезентации пространства, прежде всего, связаны с Москвой и ее социокультурными символами (университет, театр, пресса), являясь частью мемуарного дискурса журналистов о Москве. Если о Москве и Амфитеатров и Дорошевич писали с любовью, с множеством эмоционально насыщенных деталей, отражающих собственную биографию, то о России в целом они писали с болью, сожалением, в рамках сложившейся в XIX веке мемуарно-литературной традиции, и представляя Россию как страну долгих расстояний, бесконечных ожиданий, нуждающуюся в освобождении.

Библиография

Амфитеатров 2004: А.В. Амфитеатров, *Жизнь человека, неудобного для себя и для многих*, Новое литературное обозрение, М., Т. 1, 2004.

Ассман 2004: Я. Ассман, *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*, Языки славянской культуры, М., 2004.

Бахтин 2000: М.М. Бахтин, *Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук*, Азбука, Спб., 2000.

Букчин 2010: С.В. Букчин, *Влас Дорошевич. Судьба фельетониста*, Аграф, М., 2010.

Бурдые 2002: П. Бурдые, *О телевидении и журналистике* // Н. Шматко (ред.), Фонд научных исследований "Прагматика культуры", Институт экспериментальной социологии, М., 2002.

Волошина 2008: С.В. Волошина, *Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования*, «Вестник Томского государственного университета», 2008, 308, с. 11-14.

Гинзбург 1977: Л. Я. Гинзбург, *О психологической прозе*, Художественная литература, Л., 1977.

Дорошевич 2008: В.М. Дорошевич, *Воспоминания*, Новое литературное обозрение, М., 2008.

Елизаветина 1982: Г. Г. Елизаветина, *Становление жанров автобиографии и мемуаров* // *Русский и западноевропейский классицизм. Проза*, Наука, М., 1982, с. 235-262.

Колядич 1993: Т.М. Колядич, *Мгновенья, полные как годы. (Двадцатые годы в воспоминаниях писателей, Прометей, М., 1993.*

Колядич 1998: Т.М. Колядич, *Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра*, Мегатрон, М., 1998.

Лежен 2000: Ф. Лежен, *В защиту автобиографии*, «Иностранная литература», 2000, IV,

<http://magazines.russ.ru/inostran/2000/4/lezhen-pr.html>,
24 августа 2013.

Мангейм 2000: К. Мангейм, *Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции*, ИНИОН РАН, М., 2000.

Манн 1998: Ю.В. Манн, *Москва в творческом сознании Гоголя (Штрихи к теме)* // Г.С. Кнабе (ред.), *Москва и «московский*

текст» русской культуры, Российский государственный гуманитарный университет, М., 1998, с. 63-81.

Махонина 2008: С.Я. Махонина, *История русской журналистики начала XX в.*, Эксмо, М., 2008.

Меднис 2003: Н.Е. Меднис, *Сверхтексты в русской литературе*, Новосибирск, 2003, <http://gaspopin.den-za-dnem.ru>, 22 апреля 2013.

Михеев 2004: Ю.Э. Михеев, *Поэтика «журнализма» в книге В.А. Гиляровского «Люди театра» // Проблемы конфликта в массовой коммуникации: Материалы международной конференции*, 26-28 октября 2004, Изд-во Тамбов, гос. ун-та им. Г.Р. Державина, Тамбов, 2004, с. 175-178.

Николина 2002: Н.А. Николина, *Поэтика русской автобиографической прозы*, Флинта: Наука, М., 2002.

Новокрещенных 2008: Е.Г. Новокрещенных, *Поэтика автобиографической прозы русских поэтов второй половины XIX века: А.А. Григорьева, Я.П. Полонского, А.А. Фета*, диссертация канд. филол. наук, Улан-Уде, 2008.

Перцов 2002: П.П. Перцов, *Литературные воспоминания. 1890-1902*, Новое литературное обозрение, М., 2002.

Рейтблат 2009: А.И. Рейтблат, *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*, Новое литературное обозрение, М., 2009.

Рейтблат 2004: А.И. Рейтблат, *Фельетонист в роли мемуариста // А.И. Амфитеатров, Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: в 2 т. Т. 1*, Новое литературное обозрение, М. 2004, с. 5-18.

Родигина, Сабурова 2011: Н.Н. Родигина, Т.А. Сабурова, *Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX в.: Преемственность и разрывы*, «Диалог со временем», 2011, 34, с. 138-157.

Сабурова 2012: Т.А. Сабурова, *Коллективная автобиография: «поколение 1880-х» в воспоминаниях и переписке А.В. Амфитеатрова*, «Autobiografia. Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa», 2012, I, с. 145-165.

Симонова 2002: Т.Г. Симонова, *Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и топология жанра*, Гродненский государственный университет, Гродно, 2002

Шайтанов 1981: И.О. Шайтанов, *Как было и как вспомнилось (современная автобиографическая и мемуарная проза)*, Знание, М., 1981.

Хальбвак 2005: М. Хальбвакс, *Коллективная и историческая память*, «Неприкосновенный запас», 2005, XL-XLI, 2-3, <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>, 28 февраля 2013.

Manchester 2002: L. Manchester, *Harbingers of Modernity, Bearers of Tradition: Popovichi as a Model Intelligentsia self in revolutionary Russia*, «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Neue Folge, 2002, L., 3, pp. 321-344.

Manchester 2008: L. Manchester, *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*, Northern Illinois University Press, DeKalb, 2008.

McReynolds 1991: L. McReynolds, *The News under Russia's Old Regime. The Development of a Mass-Circulation Press*, Princeton University Press, Princeton, 1991.

Meyers 2007: O. Meyers, *Memory in Journalism and the Memory of Journalism: Israeli Journalists and the Constructed Legacy of Haolam Hazeḥ*, «Journal of Communication», 2007, LVII, 4, pp. 719-738.

Rodigina, Saburova 2012: N. Rodigina, T. Saburova, *Changing Identity Formations in Nineteenth-Century Russian Intellectuals' Autobiographies*, «Life Writing Matters in Europe», 2012, 217, pp. 119-132.